

Мишка — люмпен. У него почти ничего нет. Хотя, впрочем, кое-что всё-таки есть: большой телевизор, холодильник, диван и шкаф. Ещё у Мишки есть дорогой телефон. Всё это Мишка покупал в кредит. Живёт Мишка в съёмной комнате в пятиэтажной гостинке. Мишке тридцать. Он худощав и жилист, отчего кажется высоким; светловолос. Серые глаза смотрят на мир испытующе. Так смотрят люди, ждущие подвоха или ожидающие чуда. Ещё у Мишки есть аквариум с рыбками, а ещё — увлечение с детства: он покупает сборные модели кораблей и вечерами, в свободное время, собирает их, терпеливо подгоняя и склеивая мелкие детали конструктора.

Работает Мишка грузчиком в речном порту. Зарабатывает неплохо, но деньги тратить не умеет, поэтому питается как попало. Благо, что не очень далеко, буквально в паре остановок на автобусе, живёт его мать. В трудные времена Мишка ходит ужинать к маме, но живёт всё-таки отдельно. У матери однокомнатная квартира, вдвоём тесно, да и прочих неудобств масса.

В гостинке на Мишкином этаже, через две квартиры, проживает Настя — слегка полненькая, голубоглазая, с короткой причёской, приятная. Она на два года старше Мишки, живёт с сыном-школьником. В отличие от Мишки, у Насти квартира в собственности, пусть восемнадцать метров, но своя. Тесно, конечно, а что сделаешь? Сына воспитывает одна. Муж умер четыре года назад от передозировки. Наркотики употреблял. Употреблял нерегулярно. На поминках друзья Настиного супруга рассказывали: оттого и умер; если бы регулярно кололся, то дозу бы знал, а так выпивший

был, да ещё и укололся... Хотя если бы и жив был Настин муж, то, скорее всего, сидел бы. Так всегда было. После его смерти Настя просто расцвела. Работала она в поликлинике медсестрой, всегда чистенькая, ухоженная.

Сначала они с Мишкой просто здоровались, потом, при встрече, о чём-нибудь шутили, а однажды попросила она Мишку переставить холодильник, после чего Мишка остался у неё до утра. Сына она заблаговременно оставила ночевать у мамы.

Так и повелось. Раза два в неделю они встречались: то у него, то у неё.

...Ранним утром субботнего дня Мишка вышел в скверик, что был совсем рядом с домом, и расположился на скамейке. С собой у него было две бутылки пива, заранее приготовленные ещё со вчерашнего вечера, и пачка сигарет. В середине июня листва деревьев надёжно закрывает скамейку в сквере от ненужных глаз, поэтому Мишка открыл бутылку, с большим удовольствием сделал несколько жадных глотков и затем закурил. Ощущение блаженства разлилось по всему Мишкиному телу. Вчера выпивали, и Мишка перебрал. Хотя выпивали, на Мишкин взгляд, вполне культурно.

В пятницу была зарплата. Стол накрыли у Насти. Коньяк, водка, вино; холодные закуски, овощи. Курицу-гриль купили, суши заказали. Позвали соседей.

Напротив Настиной квартиры жили Ирина и Валера. Обоим чуть за сорок. Ирина — продавец в цветочном магазине, стройная, кареглазая, со следами красоты. Валера — чернявый, смуглый; водитель карьерного самосвала. Валера мотается по вахтам: два месяца работает, месяц — отдыхает. У Иры дочь замужем, живёт отдельно. У Валеры двое детей от первой жены; впрочем, Ира-то и не жена вроде бы как: живут вместе месяц через два, а в течение этих двух месяцев, пока Валера на вахте, Ира, похоже, ещё с кем-то встречается. Нет, к ней никто не приходит — она иногда не ночует дома, что каждый раз бывает отмечено соседями. Валера тщательно скрывает от Иры, что имеет долю на квартиру, где живут его дети, боится, что Ирина начнёт его подбивать на размен квартиры.

У Мишки завибрировал телефон. Это Валера.

— Мишаня, привет! Ты где? У тебя пивасика не осталось?

— Осталось. Выходи на улицу, я здесь на скамейке.

Валера спустился быстро. Волосатая грудь в разрезе не-застёгнутой рубашки, спортивные брюки, тапочки на босу ногу. Поздоровались. Мишка молча подал бутылку пива.

— Что грустный такой, Мишаня? Смотри, погодка ка-кая! Живи и радуйся!

— А чему радоваться? Погоде? — Мишка грустно ус-мехнулся.

— У тебя с Настей что-то не так? Вчера же вроде как нормально всё было.

— Не в этом дело. Жизнь проходит, Валерка, а перспек-тив никаких. Живу в аренде, работаю грузчиком, семьи нет. Кредиты. Что хорошего? Ну, гульнули вчера. Если бы каждый день так гулять, ещё куда ни шло. Да и то — разве в этом счастье?

— Братан, ну ты загнул! За счастье заговорил. А что у тебя плохого? Посмотри с другой стороны: крыша какая-никакая над головой есть, работа есть, не голодаешь... Баба есть. Всё не так плохо.

Молча закурили.

— Валера, у тебя дети есть. У тебя как-то всё по-другому. Смысл какой-то есть. Вот смотри: что я могу дать жене, если она у меня появится? А дети если родятся? Им что дам?

— Мишка, а как в войну люди жили? Рожали же детей, растили,— Валера попытался вникнуть в этот непростой разговор, хотя у него было очень благостное настроение: ночь, проведённая с Ириной, была хороша.

— Валера, там другое. Тогда нужны были люди стране, вот они и рождались. А я зачем родился? Детство — в нище-те. Мать на трёх работах, а денег всё равно не хватает. Батя хрен знает где... Два раза алименты прислал. Что там даль-ше? «Фазанка», армия, где огребался по полной программе. Из армии пришёл — денег нет ни одеться, ни обуться. С де-вушкой познакомишься — в кафе не пригласить, привести некуда. С какими-то проשמандовками всю жизнь встреча-юсь. Да и Настя такая же, если честно...

— На Настю-то не гони,— Валера слегка возмутился.

— Валера, я знаю, что говорю. Думаешь, именно я ей нужен? Да снимал бы эту хату кто-то другой, она бы с ним была... Что? Не так?

— Пусть так. Согласен. Но жизнь-то надо как-то устроить? Я про тебя сейчас говорю. Ну и пускай прошмандовка, а где ты других найдёшь? Вот то-то. Сходишь с ней, регистрируетесь, рожайте ребёнка. У Насти квартира своя, материнский капитал дадут, покупайте квартиру и живите как люди. Учи вас.

Мишка ещё раз закурил.

— Если честно, я об этом сам думал.

После такого признания разговор перетёк в другое русло, стал более оптимистичным.

А тем временем к Насте зашла Ирина.

— Настюха, мужики где? Опохмеляются?

— Да вон на скамейке сидят,— кивнула Настя в сторону окна.

— Настька, у тебя с Мишкой-то как? Сходиться совсем не думаете?

Настя недовольно посмотрела на соседку.

— Нет. Я точно не думаю. Я бы, наоборот, уж лучше бы прекратила отношения,— и, глядя на не понимающую ничего Ирину, продолжила: — Зачем он мне? С ним неинтересно! Рыбок разглядывать? Или кораблики? Скажешь, мужик под боком? Так у меня ещё один есть. Ну что ты так смотришь? Сама-то тоже, небось, не святая. Да и беременная я.

— От Мишки?

— Нет. Аборт надо делать, аборт если сделаю — уже, наверное, не рожу никогда.

— Ну ты, мать, даёшь! Ты как залетела-то? А спираль что?

— Да мне спираль убирать надо было, а тут этот подвернулся... Всё бы ничего, да он женат и из семьи уходить не собирается,— Настя включила чайник.— Ты кофе будешь?

Когда мужики пришли с улицы Ирина и Настя сидели и пили кофе, беззаботно разговаривая о женских мелочах.

— Иринка, пойдём, что ли, домой? — спросил Валера.

— Пойдём.

После того как соседи ушли, в комнате возникла неловкая пауза, а потом Настя негромко произнесла:

— И ты иди, Миша,— и, отвернувшись, добавила: — и не приходи больше.

— Что так? — Мишка сделался бледным.

— Да так... Не хочу больше ничего.

— Другой появился?

Настя закричала, заорала:

— Не твоё дело! Я сказала: уйди! Я не хочу тебя видеть!

Уходи!

Мишка не стал хлопать дверью, ушёл спокойно, даже с достоинством. Закрыл за собой дверь и заплакал. Он рыдал и никак не мог остановиться больше двух часов.

Он вспоминал свою жизнь, такую бестолковую и никому не нужную.

Однажды на работе Мишка услышал случайно разговор двух женщин из планово-экономического отдела. Они разговаривали громко, не стесняясь, и называли рабочих порта люмпенами. «Вера Петровна,— говорила холёная сорокалетняя дама своей собеседнице,— чего вы от них хотите? Это же самые настоящие люмпены...»

Мишка запомнил слово, посмотрел в Интернете. Неужели он люмпен? Как это горько. «Люмпен, лузер беспонтовый», — корил себя он.

Солнце скрылось за деревьями, когда Мишка окончательно успокоился. Через неделю он съехал из гостинки к матери. Ещё через неделю уволился и завербовался на вахту, на Север.

Погиб Мишка в конце зимы. Проходил мимо сложенных один на другой штабелей с металлическим профилем, и надо же было, что в этот момент лопнула лента, связывающая металл. На Мишку враз обрушилась тонна железа. Рядом никого не было, нашли его только на следующий день.

Так закончилась жизнь человека, который не произвёл потомства, не оставил яркого следа. Умрёт мать — и никто о нём уже не вспомнит. Разве что Настя когда-нибудь подумает: где же сейчас Мишка? Может быть, и стоило с ним сойтись...